

АЛЕШИНА (урожд.Цветкова) ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА (1928-2018).

Я родилась в Ромашково на большой православный праздник - Покров Пресвятой Богородицы - 14 октября 1928 года. Родилась в доме где сейчас и живу.

В колхозе трудилась как началась война с 12 лет «со школьной скамьи», окончив 5 класс. Я ловкая была, меня потому везде «совали».

Выше речки Чаченки, за «Болдинкой» - так называлась будущая Колхозная улица - сажали капусту. Пахать надо, а лошадь «цыганская» была – ленивая и строптивая: то встанет, упрется как осел - не сдвинешь, то старается лечь, а лечь нельзя - запряжена. Меня на эту лошадь сажали верхом, ноги болтаются, еле держусь, и я ей управляла, к вечеру руки все в крови.

В нашей Никольской церкви было колхозное хранилище. Во время войны там картошку хранили, ходила её перебирать и на машину ведрами грузить, по два ведра таскала. Никто не пожалеет: пупок болит, спина тоже – все же дети были.

Вокруг Ромашково лес берегли, чистый был, красивый, а за Раздоровской улицей лес -Хованиха – особо красивый, - хозяин леса того был Хованский: березовые и сосновые рощи сажал... Нас туда колхоз на сенокос отправлял, косить «раздорский» луг – это за Раздоровской улицей к лесу Хованихе. Хоть мне и 12-13 лет, а в управлении список весит: я должна 30 соток скосить. Косы не было, ходила с другими детьми, собирала по селу. Хорошую косу никто не давал, - плохую, - так дедушка Пашки Авдеева отбивал нам косы. Приду с сенокоса, маме покажу руки: сине-красные мозоли, она поплачет, чем-то помажет. Косили, сено ворошили, стоговали. Страшно, - змей было много. Детворой пошумим, потопаем, покричим... Трава высокая, ставили специальные заметки: сколько я скосила, сколько кто другой.

Бригадир тетя Шура Бухнаева записывала результаты в ведомость. За это давали талон на 200 грамм хлеба, который потом в очереди отоваривали в магазине на Советской улице. Магазин тот сделали из дома Баландиных (репрессировали их), потом там была библиотека, а сейчас стоит дом разрушается. Очередь в магазине занимали с ночи, всем хлеба бывало не хватало. Припозднишься и останешься ни с чем.

Уроки в школе закончатся и опять идешь в колхоз работать и все каникулы в колхозе. Так и жила: колхоз-школа-колхоз. Еще корову держали с мамой: 2 чердака сена на зиму натаскивала. Здесь в Ромашково лесники косить для себя не давали: тащишь сено аж из-под Рублево, горбатишься, тебя из под вязанки и не видно. Зато все могу делать и жать, и стоговать....

Моя мама Цветкова Анна Ивановна всю жизнь работала в колхозе. Однажды маленькая совсем я была дома одна, на замки двери никто не запирает. Пришло колхозное правление, взяли корову и увели в колхоз. Всю картошку из подпола выгребли. А у мамы 5 человек детей. Мама от обиды начала на меня ругаться, что я их пустила, потом опомнилась, - что я сделать могла, маленькая была. Мама только умерла, колхоз сразу отнял всю землю и оставили нам с сестрой по 3 сотки, - я уже в колхозе тогда не работала.

Окончила когда семилетку, пошла с Анной Калининой на сдельную работу на часовой завод. Лет по 14-15 нам тогда было. Работала я как «малолетка» только пол смены. Режим на заводе был строгий: как с утра села за работу, так сидишь и терпишь до обеда, выйти нельзя...

Помню какой ужас был когда в мае 1941-го года закрыли храм. Мама послала меня в магазин, а на дороге груда икон лежит, и большие и маленькие, киоты побиты, стекла: и все иконы такие хорошие. Я встала и выбрала маленькую и самую красивую - Варвару Мученицу. Куда все иконы делись потом, - не знаю. И моя тоже пропала. Когда замуж вышла, переезжали, я икону подсунула под белье в шкафу, но так потом и не нашла её.

Зато сколько радости было, когда в начале 90-х работали, восстанавливали только переданный церкви наш Никольский храм. Вошли в него первый раз, а там ужас сколько грязи, стены и потолки голые, чернота, мусор, коробки от диафильмов, разруха.... Оба придела были так, прости, загажены, - смотреть страшно. Обезобразили, а восстанавливать нам оставили. Мы лазали везде, расчищали, отмывали. С работы приедем и бежим мыть. Со мной каждый день ходила моя подружка Мещанинова (урожд. Авдеева) Валентина Васильевна, мы с ней скребли, драили полы; кто-то приходил днем - мыл стены, потолок. Нароботаемся, сидим и любуемся, хоть работы еще и «непочатый край», а всё вернулось, все теперь наше.

В Москву летом до войны и в войну часто пешком ходили, по полигону. Так всегда в Ромашково называли место от болота Сихенихи (что за Советской улицей было, сейчас как низина, когда вода тает - ручей бежит по ней) и дальше полигон шел до Крылатского. Не знаю почему так называется - «полигон», может там лошадей в царские времена пасли?....

Скажу честно, как матери, - хоть и тяжело нам в то время приходилось, но было на селе так жить весело, так хорошо: и гармошки, и аккордеоны, так дружно и взаимовыручка была. А сейчас у всех 3х метровые заборы. У меня инфаркт случился, три телефона, а позвонить никому не могу: смотрю и ничего не вижу. Побрела к кому-нибудь чтобы скорую вызвали стучу: ни да, ни нет, - не достучишься.

Замуж вышла в 1955 году. Есть сын и внук и правнучка. Я счастливая...

С детства люблю землю, и копаюсь до сих пор, хоть и с инфарктом. Дети ругаются, а я привыкла, не могу без земли. И что такое отпуск? - не понимаю, как жить без работы то?..».

Записано со слов Зинаиды Васильевны 7 мая 2015г.

Скончалась р.Б Зинаида на 91 году жизни 27 декабря 2018 года.